

«Марс, Мелвин».

Здесь – где бы то ни было и когда бы то ни было – твое имя произносят задом наперед, и ты должен отреагировать моментально, едва заслышав его. Даже на толчке. Как в армии, вот только он никогда служил. Его притащили сюда совершенно против его воли.

– Марс, Мелвин?

– Да, сэр. Здесь, сэр. Сижу по-большому, сэр.

«Потому что где ж мне еще быть, как не здесь, сэр?»

Он не знал, почему они так делают, и ни разу не потрудился спросить. Ответ его все равно ни капельки не волновал. А вопрос может закончиться ударом дубинки охранника ему по голове сбоку.

Здесь, в Исправительном учреждении штата Техас в Хантсвилле, у него хватало и других забот. Тюрьму прозвали Стенным Блоком из-за стен из красного кирпича. Открывшаяся в 1849 году, она была старейшей из тюрем штата Одинокой Звезды¹.

А еще в ней есть камера исполнения смертной казни.

Официально Марс был заключенным 7-4-7, точь-в-точь как самолет. Поэтому охранники в отделении смертников тюрьмы, откуда его доставили сюда, прозвали Мелвина «Джамбо»². И хотя он не исполин, но и не коротышка. Большинство людей смотрит на него снизу вверх – поневоле. Шесть футов, да еще добрых два и три четверти дюйма.

Он знал свой точный рост, потому что его дотошно измерили на сборах НФЛ. Прямо-таки вдоль и поперек. Пока Марс проходил эту процедуру, его рассудок провел параллель с невольничьим рынком, где потенциальные владельцы методично осматривали и ощупывали живой товар. Что ж, в отличие от предков-рабов, он хотя бы огреб кучу денег за ущерб его организму, неизбежный к концу игровой карьеры.

А еще он по-прежнему весил двести тридцать фунтов. Ни жиринки, сплошь гранит. А это великое дело – при том дерьме, которое тут подают под видом еды, переработанном на больших фабриках, перегруженном жиром и натрием, а заодно химикатами, которые, наверное, идут в ход при производстве всего – от цемента до ковров.

«Убейте меня нежно своей говенной пищей».

Он провел в этом заведении столько же времени, сколько за его пределами.

И время это отнюдь не пролетело. По ощущениям, прошло не двадцать, а все двести лет.

Но больше это роли не играет. Скоро все кончится. Придет день.

Его последняя-распоследняя апелляция.

Отвергнута.

Он покойник.

Его привезли в Хантсвилльскую тюрьму из отделения смертников блока Полунски в Ливингстоне, штат Техас, шестьдесятю милями восточнее, в уповании, что уж на сей-то раз штат получит своего человечка после ожидания, затянувшегося на два десятка лет. На бледном лице его адвокатши застыло блеклое выражение, когда она поведала ему эту весть. Но она завтра проснется.

«А я – нет».

Скоро он услышит перестук каблуков, направляющихся в его сторону.

Пыхтение дородных тюремщиков, несущих блестящие кандалы.

Угрюмого начальника тюрьмы, который забудет его имя на следующий же день.

Набожного служителя божьего, вцепившегося в свою Библию и долдонящего свои стихи, потому что тебе якобы надо цепляться за что-то духовное по пути отсюда. Не из тюрьмы. Из жизни.

¹ Неофициальное название штата Техас.

² «Джамбо» (популярная слоновья кличка) – прозвище самолета «Боинг-747».

Штат Техас казнит больше заключенных, чем любой другой, – свыше пятисот за одни лишь последние тридцать лет. Почти столетие – начиная с 1819 года – это делали через повешение. Потом перешли на электрический стул, прозванный «Искрометным стариной», и за четыре десятилетия триста шестьдесят один заключенный был предан смерти через удар электротоком. Теперь Техас отправляет в мир иной с помощью смертельной инъекции.

Что в лоб, что по лбу – все равно труп.

По закону, казнь не может начаться раньше шести вечера. Марсу сказали, что за ним придут в полночь. Что ж, лучше и не придумаешь, как потянуть волокиту, думал он. Денек предстоит взаправду долгий и взаправду дерьмовый.

Его называют Ходячим Трупом.

«Скатертью дорога», – слышал он от тюремщиков столько раз, что и счет потерял.

Ему не хотелось оглядываться. Только б не видеть эпицентр всего этого.

Но на самом деле – разве от этого отвертишься?

Так что с приближением последнего мгновения он начал думать о них.

Убийства Роя и Люсинды Марсов – его белого отца и черной матери.

Тогда этот союз был диким, диковинным, даже экзотическим, особенно в Западном Техасе. Теперь такие встречаются сплошь и рядом. Теперь каждый ребенок, являющийся на свет, выглядит лоскутным одеялом, состряпанным из полусотни разных типов рода человеческого.

Один баклан, недавно зачалившийся на нарах, был порождением двурасовых родителей, в свою очередь тоже детьми нетрадиционных браков. Так что новый ребенок – идиот, укокошивший продавца из-за стибренного в магазине пакетика лакричных конфет – оказался мешаниной черного, коричневого и белого с толикой китайского. Да при этом еще и мусульманином, хотя Марс ни разу не видел, чтобы тот преклонял колени и молился по пять раз на дню, как некоторые из здешних. Зовут его Анвар, и родом он из Колорадо.

И он принялся талдычить людям, что на самом деле хочет быть Алексисом.

Сев на койке в своей камере, Марс поглядел на часы. Пора позаниматься. Правду говоря, в самый распоследний раз.

На спине его белого комбинезона были набиты черные буквы *D* и *R*, означающие «*death row*», то бишь «коридор смертников». Марс воспринимал их как погремушку гремучей змеи, предупреждающую окружающих, чтобы убирались с дороги к чертям.

Опустившись на прохладный бетонный пол, он сделал две сотни отжиманий – сперва на кулаках, потом на кончиках пальцев и, наконец, из позы собаки мордой вниз, слегка касаясь лысой макушкой бетона при каждом повторе. Потом проделал три сотни глубоких приседаний за шесть подходов со взрывным распрямлением в каждом повторе – глубинными зарядами, как он называл их про себя. Потом последовали йога и пилатес на силу, равновесие, амплитуду движений и, самое главное, на гибкость. Он мог коснуться лбом пальцев ног, держа ноги прямыми, как палки – немалое достижение для крупного мужчины с мышцами, тугими, как канаты.

Потом пошла тысяча повторов на пресс и кор³, паливших мышцы живота, как кислота. Именно благодаря этому у него твердые, как гранит, косые мышцы живота и все восемь кубиков пресса, а пупок натянут настолько туго, что место, где некогда крепилась пуповина, больше напоминает бородавку. Дальше пошла плиометрия в предельном темпе, где он отталкивался от всех четырех стен и пола в ряде маневров, многие из которых измыслил сам.

Он был как Человек-паук, или Фред Астер, отплясывающий на потолке. У него в тюрьме имелось невпроворот времени на планирование подобных штук. Его жизнь была

³ Мышцы кора – важнейшие мышцы середины тела: косые мышцы, прямые мышцы живота, ягодичные мышцы, разгибатели спины, бицепсы бедер и множество других мышц, прилегающих к тазовым костям и бедрам.

очень упорядочена, но притом предусматривала уйму свободного времени. Большинство зэков попросту сидели и били баклуши. Не было никаких занятий или реабилитационных программ какого бы то ни было рода. Неофициальный девиз тюрьмы без обиняков гласил: «Реабилитация – для ссыкунов».